

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ И БРАКУ, КАК КО ЗЛУ И ГРЕХУ, В ЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ СОЗНАНИИ

Для средневекового сознания всё, о чем нет прямого намека в Святом Писании, воспринимается как грех, зло. Не остается в стороне и отношение к браку, который рассматривается церковью, как нескончаемая вереница, "шлейф" уступок простому смертному человечеству — как то: в общении с противоположным полом, желании иметь детей. Но вместе с тем, церковь старается и упорядочить отношения. На III Константинопольском Вселенском соборе 678-681 гг. папа Агафон издает указ, согласно которому один брак обеспечивает любому мужчине все необходимое в мирской жизни, второй (повторный) брак является супружеской изменой, третий — блудом, а четвертый вообще свинством (1). Интересно, что речь идет только о мужчинах. Известно, что женщина считалась созданием греховным и дьявольским, вплоть до развитых поздних Средних веков, когда стала появляться лирика трубадуров и менейзингеров. Вместе с тем, культура средневековья может по-праву считаться культурой неприятия женщины и ребенка, невнимания к ним, доходящего до их полного отрицания.

Является ли физическое общение необходимым в браке, или он основывается только на нравственном, непорочном согласии, — вот один из перечень тех вопросов, которые неоднократно задавались и дискутировались с VII по XII вв. — т.е. на III Константинопольском, I Никейском (787 г.), IV Константинопольском (870 г.), I (1123 г.) и III (1179 г.) Латеранском Вселенских соборах.

Если брак воспринимался, как дозволительное простым смертным, то духовному сану, для поддержания нравственного авторитета, пришлось как-то выкручиваться. В 386 г. папа Сирикий издает первый достоверный папский указ, в котором запрещает духовным лицам вступать в половой контакт со своими женами. Естественно, что подобный запрет не мог выполняться в точности. Некоторые каноники нашли прямо-таки удивительный способ пустить пыль в глаза: они женились в молодости, получая все мирские блага и развлечения, а получив высший духовный сан, разводились, чтоб затем на старости лет повторно вступить на этот раз в священный брак. Под термином

священный брак (*syneisaktism*) подразумеваем не просто приемлемый, полноценный во всем брак, но и, начиная с IV века, вполне санкционированный и традиционный тип союза. Священник выбирал себе женщину (не свою бывшую жену, а новую) в "компаньонки". Она готовила, стирала по дому, ведала хозяйством, исполняя вся женскую работу, вместе с тем нередко и вмешиваясь в обязанности самого священника: напоминала ему о встречах, помогала готовиться к проповеди и т.д.

В социальном устройстве произошел раскол: священники, состоящие в священном браке, священники, принявшие целибат (обет безбрачия) и миряне. Мирянам, "бестолковым и нищим духом" разрешалось вступать в брак, если "это им было необходимо", - нехотя признавался Иоанн Златоуст (2). Климент Александрийский же добавлял, что привнося ряд искушений, брак сам по себе - явление интересное и сложное, ибо несет в себе "огромные возможности для самодисциплины" (3).

Тертуллиан вполне искренне заявляет, что церковь необоснованно дает свое согласие на брак, даже в целях создания потомства. Ибо, по его мнению, библейская заповедь "плодитесь и размножайтесь" относилась к ожиданию появления Мессии. Теперь, когда Мессия уже есть, формула перестает быть необходимой и актуальной (4). За исключением тех сфер, которые вступали в конфликт с христианской доктриной, все остальное в правовом и социальном устройстве зижделось на основе гражданских законов и обычаев Древнего Рима. Св. Иероним (IV в.) оправдывал супружество лишь в том случае, если, по его утверждению, человек (мужчина) боялся спать в темноте один (5). Отцы церкви, равно как и миссионеры и проповедники, увеличивая число новообращенных христиан, считали межполовое общение греховным, а это в свою очередь становилось наиболее существенным элементом аскетизма. Если большинство других религий требовали от своих последователей лишь временного воздержания, то христианские теологи предполагали, что оно должно быть постоянным. Так, Ориген Александрийский, буквально поняв слова Матфея "о людях, сделавших себя скопцами для Царства Небесного" (Матф., 19:12), самокострировался. Однако, если от воздержания это его и спасло, то канонизироваться в святые это ему помешало: ортодоксальная церковь, согласно библейскому отношению к мужчине, не могла канонизировать мужчину с поврежденными гениталиями.

В I в. н.э. святой Павел отмечал, что безбрачие - наиболее целомудренней и выше, чем брак. В Послании к Коринфянам, заподозрив их в чрезмерном увлечении сексом,

Павел говорит: "Разве не знает вы, что тела ваши суть члены Христовы ? И как отнять члены у Христа, чтоб отдать их блуднице. Совокупляющийся с блудницей становится одно тело с нею. Ибо сказано: „два будут одна плоть,“ (Кор.,6:15-16). Кажется, что Павлу удастся найти компромиссное решение проблемы: если с блудницей связь считается недопустимой, то в случае с женами она носит известный религиозный характер. Постепенно, идеи Павла затмеваются "новыми" взглядами, подкрепленными мыслями гностиков, манихеев о преимуществе безбрачия. Чтоб устыдить человеческое начало, Севериан отмечал, что "женщина целиком, а мужчина ниже пояса являющаяся творениями дьвола"(6). Мысли эти постепенно варьировались в народно-визионерской литературе, обрисовывая омерзительных чудищ, погрязших во грехе, змееподобных существ, от которых исходил смрадный запах.

Основы установившегося постыдного отношение к сексу в христианстве было предложено Павлом, Иеронимом и Августином. Живя нормальной мирской жизнь до обета безбрачия, все они потом с великим сожалением вспоминали свое поведение. Иероним отмечал, как он страдал в пустыне Халкис, в период своего отшельничества, прося у Бога целомудрия (7).

Августин же, идет дальше всех, полагая, что Богу следовало бы изобрести более подходящее решение проблемы продолжения рода, а виной всему он называет Еву. Вместе с тем, он отмечает, что до грехопадения, прародители были духовными существами, умеющими контролировать свли тела. А как наказание их прегрешению стало то, что они стали стесняться своей наготы: послушание Творцу отразилось на активности их половых органов — они перестали управлять ими (8). Таким образом, Господь дал им невинное физическое желание, которое они превратили в нечто постыдное. Продолжая свою мысль, Августин обращается к образу Марии, отмечая ее непорочное зачатие, как освобожденное от греха (9).

Тем же, которые не могут управлять своими органами, советуется секс без страсти. Это просто целенаправленное, холодное сношение, способствующее продолжению рода. Тело стало считаться лишь сосудом для души, этим и можно объяснить отношение средневекового художника к анатомической грамотности.

Есть двоящееся представление о том, почему средневековый автор не может "правильно" воссоздать фигуру и потому опасается изображений нагого тела. Более того, нагота считается чем-то постыдным. Во-первых, следует оговориться, что для

Средних веков нагота является не постыдным явлением, а бессмысленным: изображать должно то, что вечно (здесь проглядываются отголоски египетского менталитета). Если тело, ее физическое начало имеет столь ограниченное во временном аспекте существование, то следует изображать лишь вечное — душу, или единственное отражение духовного на "теле" (лице) — глаза. Изображений со спины, когда не видно глаз, практически нет в средневековом искусстве. В профиль же, когда виден лишь один глаз, и невозможно разглядеть выражение глаз, т.е. душу, изображается лишь один персонаж — Иуда, как символ предательства, чтоб сразу отличить его от остальных. Здесь следует помнить, что средневековое искусство являлось огромным дидактическим пособием, "книгой для неграмотных", и потому и изображения должны были быть максимально понятными, подробно "пересказанными". Не случайно, что один и тот же персонаж на одной и той же плоскости листа (миниатюра), тимпана (рельеф), мозаики или фрески мог встречаться несколько раз. Вполне понятное для средневековья решение объяснялось тем, что лист становился ареной действий, не "иллюстрацией" к литературному источнику — в данном случае библейского текста, либо народно-визионерских рассказов, а самим повествованием, решенным через изобразительное искусство. Произведение становится визуальным рассказом, по которому зритель "путешествует", постепенно знакомясь с ней.

Во-вторых, если принять утверждение, что средневековый автор не имел даже примитивных знаний в области анатомии, потому и стесняясь своей "некомпетентности и непрофессиональности" не мог позволить себе нарисовать нагую фигуру, серьезным, то следует отметить, что средневековые можно вообще назвать культурой наготы, и художник того времени просто не мог хотя бы ни разу не видеть нагой фигуры.

Нагими в Средние века изображались лишь души умерших в сценах, изображающих Страшный Суд, или восставших из могил и готовящихся к Суду. Объяснялось это тем, что душа не имеет мирского одевания. Вместе с тем, она обязательно изображалась и воспринималась уже бесполой, равно как и представленные в верхнем ряду трехъярусной композиции ангелы.

К началу XII века брак объявился Таинством, т. е. неподвластным расторжению ни по какой причине. В результате, несколько изменилась к лучшему участь женщины. Однако, лишь чуть-чуть. По-прежнему, противопоставляя христианок женщинам Древнего Рима, причем противопоставление всегда

шло не с уважаемыми матронами, состояние которых ничем не отличалось от христианок, а с блудницами или приближенными императора, отцы церкви придумывали "нормы поведения" для слабого пола. Отмечалось, что они не должны были пользоваться косметикой, чтобы, согласно св. Иерониму, взирая к небесам, Господь смог бы узнать их лицо (10). С другой стороны, как отмечает Тертуллиан, женщина в общественных местах — на улице, в церкви, должна тщательно прикрывать лицо, "особенно если она *красива*". Любая красота является "опасностью и искушением" для мужчины (11). Таким образом, получается, что отцов церкви заботило не моральное равновесие и защищенность всех, не определение их норм общественного поведения, в надежде удостоиться вечной жизни, а лишь обеспечение защищенности мужчине, максимально нейтрализовав его от угрозы чувственно-эмоционального порядка. Климент Александрийский находит, возможно, самую верную формулировку отношению к женщине в Средние века: "Женщина равна мужчине во всем, но мужчины всегда и во всем были лучше женщин" (12). Неприятие к женщине, отношение к ней как явлению третьеразрядному, однако, забывалось, когда дело касалось политики. С целью обращаться в христианство по возможности больше людей, принцессы крови, начиная с V века отдавались в жены "за тридевять земель". Папа Григорий Великий постановил, что брак возможен только после седьмой степени родства, что привело к тому, что христианские принцессы и представительницы высших дворянских родов выходили замуж территориально от Иерусалима до Ирландии, Испании до Древней Руси.

Как было отмечено выше, брак разрешался церковью только ради продолжения рода. Хотя и здесь, говоря о людях знатных и "достойных", следует отметить, что конечный результат их отношений — дети — для Средних веков являются категорией неинтересной. В светской литературе ("Назидания отца вступающим в брак дочерям", "О пользе и вреде женитьбы", "Зерцало мирян"(13)) XI-XII вв. можно столкнуться со следующей проблемой: при встрече знакомый спрашивает сколько детей имеет собеседник. Тот отвечает 6, после некоторых раздумий - 7, а после поименного перечисления "выясняется", что их 9. Здесь, кроме невнимания к детям, можно отметить и следующую деталь: неблагоприятные санитарные условия, не соблюдение правил гигиены, - приводили к высокой смертности, и преимущественно в младенческом возрасте. Потому, именно миновав трехлетний возраст, появлялась надежда на то, что

человек "будет жить" дальше, и отсчёт потомства начинался с этого возраста.

Средневековые отличаются особой нетерпимостью к детям. Возможно, потому, что они являются результатом греха, или, возможно, потому, что сами они пока безгрешны, и следовательно не могут представлять определенный назидательно-поучительный интерес. Гонорий Августодунский в "Ключе к природе" пишет, что "дети, равно как и животные не сообразят, что творят, потому винить их в злом умысле не представляется возможным" (14). Средневекового теолога же и "рекламного" отражателя церковных концепций и воззрений — изобразительное искусство — могло интересовать только достойное внимания, "греховное", наказуемое начало. С этим связано то, что в средневековом искусстве почти не встречается изображений ребенка (за исключением нескольких отдельных фресок в ирландском искусстве и миниатюр киликийской школы — "Евангелия царицы Керан", "Евангелии князя Васака", где семейные, в том числе и детские, "портреты" носят, однако, иную смысловую и иконографическую трактовку). Более того, даже в сценах Одигитрии, Христос-Эммануил, Умиления, где Христос должен предстать в младенчестве, он изображается в пропорциях взрослого человека, но маленьким по размерам. Следует отметить, что анатомически правильное изображение ребенка появилось лишь в раннем Возрождении.

Еще более нелепым кажется желание исключить любую возможность незаконного соприкосновения между мужчиной и женщиной. Второй собор в Маконе 585 г. постановил, что труп мужчины нельзя хоронить рядом с трупом женщины, пока последний еще не разложился. Более того, касательно живых людей, мужчине и женщине нельзя было вешать свои одежды на один и тот же крюк: причем, если случайно такое и происходило, то одежда женщина должна была быть под одеждой мужчины, иначе мужская сущность приравнялась бы к женскому естеству (15).

В 567 г. Второй церковный собор в Туре, закрепив бенедиктинское правило, постановил, что монахам следует спать в разных кроватях, при этом всю ночь должен гореть свет.

В христианском сознании спасение мыслится только в единении с Богом. Однако, говоря о единении, имеется в виду просто максимальное приближение. В отличие от античности, или даже консервативно-философского египетского мышления, в христианстве единоебожество рождает и страх, и ответственность в общении с Создателем. "К Нему можно приблизиться

вплотную, но никогда не слиться с Ним". Этим и объясняется ряд иконографических приемов, как например "бегущий взгляд" у святых на иконах, мозаиках, фресках. Глаза изображаемых широко раскрыты и смотрят прямо перед собой. Но удержать их взгляд не представляется возможным: он (взгляд) переходит от одного зрителя на другого. Прием объясняется тем, что в глаза можно смотреть только равному себе: зритель — простой смертный, святой же — совершенно иная субстанция.

Итак, средневековая церковь, пытаясь преодолеть свой собственный дискомфорт и страх перед существующим злом, стала искать его проявления везде и во всем. И, находя нечто, о чем не было прямого наставления в Писании, и не имея достаточных знаний, пыталась самостоятельно решить проблему, создавая при этом новые немыслимые барьеры на пути к познанию истины, новые абстрагированные символы, просуществовавшие в европейском сознании вплоть до конца XIX столетия.

Комментарии

1. А.Я.Гуревич - Проблемы среднесвековой народной культуры. М.,1981, стр.286.
2. Tertullian — Ad uxorem I 5. Те же мысли с ним разделяют Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Григорий Великий, Афанасий, Лактаций и Св. Иероним.
3. Иоанн Златоуст — Epistles ad Rom.XXX 3; Клемент Александрийский — Stromateis II 23.
4. Библиотека Всеобщей истории. История Средних веков. Полигон, АСТ, СПб, МСМХСІХ, стр. 211.
5. Там же, стр. 214.
6. А.Я. Гуревич - указ. соч., стр.129.
7. Epistles XXII 7 u Confessions VIII 7 17.
8. Augustine c.duas epist.Pelag.I 34 17.
9. Ibid. De nupt.et concup.II 8,12-13,22; de civ. Dei XIII 13, XIV 17; de pecc. merit. et remiss.
10. Idem, XII 12-17.
11. Tertullian — Ad uxorem IV, II-16,28.
12. О гигиене Св. Иероним писал, что "человек, прошедший через Христову купель, не нуждается больше ни в каких омовениях". См.: Св. Иероним — De custodia virginitatis, VII 71.
13. Пятнадцать радостей брака. М., 1989г., стр. 44.
14. Гонорий Августодунский — Ключ к природе. В книге: Библиотека Всеобщей истории, стр.6 210-218 и 412.
15. Библиотека Всеобщей истории, стр. 1350.